

Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов В.М. Балтарганские находки // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. №3. С. 46–53.

Худяков Ю.С., Лхагвасурэн Х. Находки из древнетюркского погребения в местности Загал в Монгольском Алтае // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2002. №8. С. 94–105.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. Новосибирск, 2009. 293 с.

Худяков Ю.С., Турбат Ц. Древнетюркское погребение на памятнике Элст Хутул в Северной Монголии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск, 1999. Вып. 2. С. 82–87.

Хурэлсух С. Монгол нутах дахь агуйн эртний оршуулгын судалгааны байдал // Археологийн судлал. 2008. Т. XXVI. Т. 293–310.

Хурэлсух С., Мунхбаяр Л. Рашаантын Ам ба Цанхирын агуйн оршуулгууд // Acta Historica. 2004. Т. V. Т. 20–30.

Цэвэндорж Д., Кубарев В.Д., Лхундэв Г., Кубарев Г.В., Баярхуу Н. Хар Ямаатын Түрэгийн үеийн дурсгалуудын малтлагын үр дүн // Археологийн судлал. 2008. Т. XXVI. Т. 262–273.

Цэвэндорж Д., Баяр Д., Цэрэндагва Я., Очирхуяг Ц. Археология Монголии. Уланбаатар, 2008. 239 с.

Эрдэнэбаатар Д., Турбат Ц., Худяков Ю.С. Древнетюркское впускное погребение на памятнике Эгин-Гол в Северной Монголии // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ, 2004. Вып. 2. С. 175–181.

Эрдэнэболд Л., Одбаатар Ц., Анхбаяр Б. Овор хавцалын амны түрэг булш // Нуудэлчдийн ов судлал. 2010. Т. X. Fasc. 9. Т. 125–132.

Dorjsuren C. An early medieval find from Northern Mongolia // Acta archaeologica. 1967. Т. XIX. P. 429–430.

Erdelyi I., Dorjsuren C., Navan D. Results of the Mongolian-Hungarian archaeological expeditions 1961–1964 (a comprehensive report) // Acta archaeologica. 1967. Т. XIX. P. 335–370.

Törbat Ts., Batsükh D., Bemmann J., Höllmann T.O., Zieme P. A Rock Tomb of the Ancient Turkic Period in the Zhargalant Khairkhan Mountains, Khovd Aimag, with the Oldest Preserved Horse-head Fiddle in Mongolia – a Preliminary Report // Current Archaeological Research in Mongolia. Bonn, 2009. P. 365–383.

М.Б. Кожа

Международный Казахско-Турецкий университет

им. Х.А. Ясави, г. Туркестан

ОГУЗСКИЕ ПОМИНАЛЬНЫЕ ХРАМЫ

В низовьях р. Сырдарья на территории Кызылординской области Республики Казахстан сохранились оригинальные архитектурные памятники: башнеобразные сооружения Бегим-Ана, Узынтам, Сараман-Коса, которые по всем параметрам отличаются от традиционных мусульманских мавзолеев Средней Азии и Казахстана. Первые две по-

стройки мы относим к X в., башню Сараман-Коса – к XI в. Сооружения располагаются вокруг столицы средневековых огузов г. Жанкента и были возведены в доисламский период истории региона. Они относятся к категории памятников, известных как «дын» или «дингек». Представляется, что слово «дын» у древних тюрков обозначало душу покойного. Функционально схожие памятники выявлены на территории Центрального и Восточного Казахстана. Козы-Корпеш, Домбауыл, Дингек и ряд других сооружений были возведены из камня. Данные памятники относятся к VIII–IX вв. и представляют своеобразные поминальные храмы для духов предков. Они соответствуют сообщениям источников о возведении тюрками сооружений, обозначенных в китайских источниках как «мачта», «столб». Башни Бегим-Ана, Узынтам, Сараман-Коса, возведенные из сырца и облицованные жженым кирпичом, являются поминальными храмами представителей огузской элиты.

***Ключевые слова:** древние тюрки, огузы, кимаки, поминальные храмы, башни, доисламские верования, легенды, изваяния, памятники р. Сырдарья, Средняя Азия, Казахстан.*

Среди памятников монументальной архитектуры Средней Азии особое место занимают загадочные башенные сооружения, обнаруженные в низовьях Сырдарьи русскими офицерами во второй половине XIX в. Первые сведения об этих памятниках находим в публикациях А.И. Макшеева. О башне Бегим-Ана офицер Генерального штаба написал следующее: «...стоит на возвышенном месте, вероятно, прежде бывшем острове, верстах в четырех от Кара-арыка и в 10 – от берега Аральского моря ... здесь похоронена жена Кызылбашского хана Чанджара» (Макшеев А., 1856, с. 68). В газетной публикации, посвященной развалинам Жанкента, А.И. Макшеев (1867) отметил, что «далеко к западу от Джанькента есть надгробные памятники Бик-Мана, Сарамана и другие, которые обложены жженым кирпичом и принадлежат, по всей вероятности, к одной с ним эпохе».

Следующий по времени автор – Л. Мейер (1865, с. 285) дал весьма сжатую характеристику Бегим-Ана: «Верстах в десяти от него (г. Жанкента) находится могила в виде восьмиугольной башни из обожженного кирпича, вышиной до восьми саженьей, известная под названием Бекмен, что значит в переводе «княгиня-мать». Описание сооружения Сараман-Коса и легенда, связанная с памятником Бегим-Ана, были изложены И. Аничковым в «Протоколах заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии» за 1897 г. К статье было приложено фото памятника Сараман-Коса (Аничков И., 2011, с. 120–123). В обобщающей работе в 1910 г. И.А. Кастанье

(2007, с. 338–341) изложил ранее опубликованные сведения И. Аничкова, Л. Мейера. Без датировок и с указанием ошибочных координат Бегим-Ана и Сараман-Коса были включены в «Археологическую карту Казахстана» (АКК, 1960, с. 192).

Спустя почти более века после первого упоминания в литературе вышеназванные сооружения стали объектами исследования казахских архитекторов. В архиве института «Казпроектреставрация» в 1983 г. нами были просмотрены «Бегим-Ана. Кроки» и рукопись Т. Джанысбекова «Башня Сараман-Коса». Особо следует отметить многолетние исследования в Кызылординской области Э.М. Байтенова (1984, 15 б.; 1986, с. 43–46; 1990, с. 335–336; 2007, с. 281–282), который ввел в научный оборот результаты своих полевых изысканий о башенных сооружениях региона. Эти работы важны и тем, что фиксируют состояние памятников, еще не подвергшихся ремонту. Последовавшие вскоре реставрационные работы, к сожалению, в определенной степени исказили облик памятников. На Бегим-Ана утрачено очертание архивольта арки, цвет кирпичей.

Весной 2012 г. мы посетили эти труднодоступные постройки и убедились в важности исследования их для познания истории огузов. Необходим комплексный подход в изучении этих уникальных башенных сооружений, включающий в обязательном порядке и археологические методы. В данной статье рассматриваются вопросы датировок, функционального назначения и генезиса монументальных построек нижнего течения Сырдарьи.

Башня Бегим-Ана находится в 68 км от Казалинска. Она сложена из сырцового кирпича и облицована обожженным кирпичом $23 \times 23 \times 5/6$ см на глиняном растворе (рис. 1). Бегим-Ана представляет в плане восьмигранник. Одна его сторона без облицовки равна 2,32–2,34 м. Башня имеет форму слегка сужающейся восьмигранной призмы, увенчанной восьмигранной усеченной пирамидой. Общая высота чуть более 10 м. На северо-восточной стороне, на высоте 4,8 м от дневной поверхности, имеется арочный проем, ведущий в сводчатую камеру. Большое зенитное отверстие диаметром более 1 м соединяет камеру с расположенной выше верхней площадкой. Диаметр верхней площадки равен 2,3 м. Она огорожена стеной типа парапета.

Историки архитектуры предварительно датируют башню Бегим-Ана в пределах X–XII вв. (Байтенов Э.М., 1986, с. 43; 2004, с. 70; Мендикулов М.М., 1987, с. 42). Размер обожженного кирпича башни Бегим-Ана близок к параметрам кирпича таких известных сооружений IX–XI вв., как мавзолей Саманидов, мавзолей Араб-ата, мечеть

Деггарон, Шабурган-ата (Пугаченкова Г.А., 1963, с. 30; Крюков К.С., 1964, с. 155–165). По мнению С.Г. Хмельницкого (1996, с. 48), квадратный кирпич со сторонами 20–23 см был характерен для построек среднеазиатского региона IX–X вв.

Рис. 1. Сооружение Бегим-Ана. X в.
Фото М. Кожя. 2012 г.

На наш взгляд, уточнить время возведения башни помогает и анализ местной легенды, неоднократно зафиксированной во второй половине XIX в. По записи Л. Мейера (1865, с. 285): «Похороненная здесь женщина была царица Джанкента и по клевете придворного невинно заподозрена в измене... Само разрушение Джанкента приписывается этому преступлению царя его». Согласно опубликованному в 1897 г. варианту легенды (Аничков И., 2011, с. 120–123): «жена Санджара, по имени Бегим-Ана, ...была брошена супругом и повелителем в яму за мнимую измену». Вполне вероятно, что Бегим-Ана является исторической личностью. Термин «бегим» означает госпожа и приравнивался к титулу «ханым». Так слово «бегим» прилагался к имени жены Абулхайра – хана кочевых узбеков. По мнению С.Г. Агаджанова (1969, с. 144), жены огузских правителей играли большую роль при дворе. Вряд ли для жены рядового чиновника стали бы возводить

столь монументальное сооружение. Легенда связывает окончательную гибель города с проклятием отца Бегим, которую он послал правителю города за несправедливое наказание дочери.

С.М. Ахинжанов (1989, с. 188) считал, что в этой легенде в завуалированной форме отображено нашествие кыпчаков, среди которых находилось племя змей, или кимаков-кай. События, приведшие к гибели Жанкента, произошли, по мнению С.Г. Агаджанова (1969, с. 154–158), в середине XI в.. Однако археологические исследования верхнего слоя городища Жанкент показали, что жители начали покидать свои жилища в 50–60-е гг. X в. (Зиливинская Э.Д., 2011, с. 117). Поэтому, на наш взгляд, с учетом новых данных археологии и размеров обожженного кирпича постройку башни Бегим-Ана нужно датировать X в.

Менее чем в 15 км от Бегим-Ана располагается другая башня, известная как Узынтам. Сооружение в плане круглое, диаметр у основания около 7 м (рис. 2). Башня сооружена из сырцового кирпича размерами 22–23×22–23×5–5,5 см и имеет цилиндрическую, слегка сужающуюся в верхней части тело высотой до 10 м. Внутри располагается камера со сводчатым перекрытием. Выше сохранились остатки площадки, обнесенной парапетом.

Рис. 2. Сооружение Узынтам. IX–X вв. Фото М. Кожя. 2012 г.

Хотя Узынтам впервые упоминается в записях А.И. Макшеева, памятник был вновь открыт в 1983 г. и введен в научный оборот архитектором Э. Байтеновым (1986, с. 43–46). Участок вокруг постройки насыщен фрагментами обожженного кирпича. Облицовочный кирпич Узынтама был также использован для сооружения надмогильных памятников позднего времени, которые располагаются рядом. Сооружение в настоящем времени находится в аварийном состоянии. К сожалению, отсутствие элементарного ограждения способствует дальнейшему разрушению памятника.

Наличие мелкоразмерного кирпича, характерного для IX–X вв., и худшая сохранность Узынтама позволяют предполагать более раннюю датировку памятника в сравнении с Бегим-Ана. Причем, на наш взгляд, Узынтам располагается на насыпном холме. Представляется необходимым археологическое изучение искусственного возвышения Узынтама, напоминающего земляной курган.

Башня Сараман-Коса (Кожа) расположена в 2 км к северо-востоку от поселка Каукей, в 60 км от центра Казалинского района. Как и Бегим-Ана, она сложена из сырцового кирпича на глиняном растворе и сохранила часть внешней облицовки из обожженного кирпича размерами 24×24×5 см. Сараман-Коса в плане круглая, без облицовки диаметр в основании башни составляет около 5 м, толщина стен более 1 м (рис. 3–4). Высота сооружения около 15 м. Башня слегка сужается вверх. Угол наклона стен башни к центру около 5°. Сооружение состоит из трех расположенных по вертикали сводчатых камер. Верх башни завершается усеченным шатровым куполом. Вход в сооружение – с северо-востока. Нижняя камера крупнее и изолирована от остальных камер. Она перекрыта куполом. Средняя камера через зенитное окно общается с верхней. Имеется, как и на Бегим-Ана, верхняя площадка.

Архитекторы датируют башню Сараман-Коса X–XI вв. Антропоним Сараман-Коса близок к таким огузским именам, как Караман, Акман. Определенный интерес вызывает приставка коса, скорее всего, видоизмененная форма от *кожа-ходжа*. Слово «ходжа» буквально означает хозяин, господин; знатный / уважаемый человек; учитель и т.п. По мнению специалистов, семантика и сфера применения термина «ходжа» с течением времени претерпели значительные изменения. Первоначально (VII–VIII вв.) этим словом в Средней Азии обозначали буддийского монаха, в мусульманский период истории он стал осмысляться и как потомок арабов. Обычно этот термин прилагался к людям грамотным, образованным, всегда довольно высокого ранга (Настич В.Н., 1989, с. 174–175). Есть свидетельство Фазлаллах

Рашид ад-дина (1987, с. 68) об одном управлявшем Жанкентом представителе огузской элиты, к имени которого прилагался термин ходжа: «Огуз в давние времена возвел один город, которому дал имя Еникент. Этот город он передал под управление весьма умного и рассудительного человека по имени Иркыл Ходжа. Иркыл Ходжа был пожилым человеком, повидавшим и испытавшим все». Сараман-Коса, судя по приставке и по высоте сооруженной постройки, превышающей Бегим-Ана и Узынтам, являлся важной персоной своего времени. Скорее всего, памятник был воздвигнут в XI в.

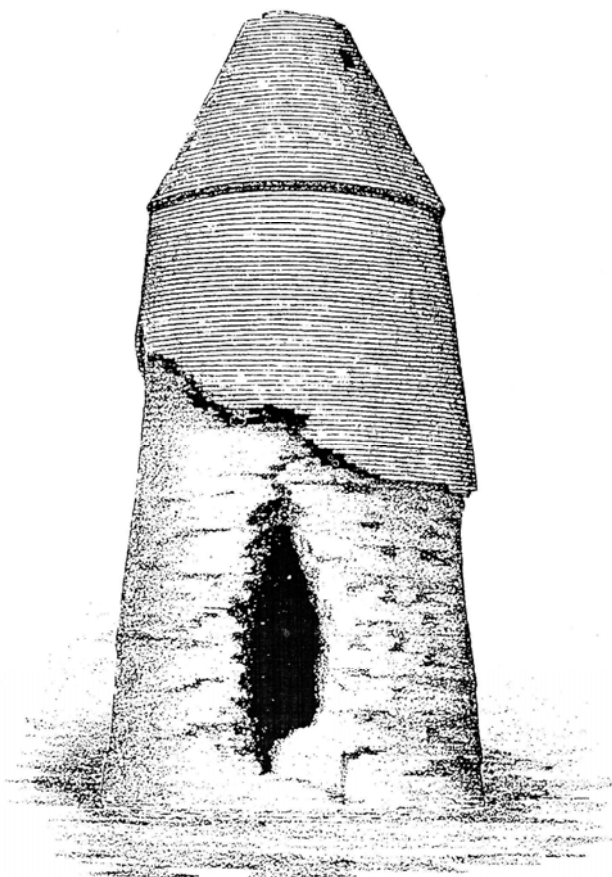

Рис. 3. Сооружение Сараман-Коса.
Рисунок из статьи И. Аничкова 1897 г.

Рис. 4. Сооружение Сараман-Коса. XI в. Фото М. Кожя. 2012 г.

Сараман-Коса, Бегим-Ана и Узынтам архитектурными формами резко отличаются от синхронных по времени мусульманских мавзолеев Средней Азии. Сырдарьинские сооружения по времени близки с загадочной башней Ак-Сарай-Динг, которая располагается в северной части Туркмении и относится к XI–XII вв. (Хмельницкий С.Г., 1996, с. 160). В соответствии с туркменской легендой Ак-Сарай-Динг была возведена местным богачом, чья дочь умерла до того, как выйти замуж. Девушка явилась ему во сне и попросила его соорудить ей «кеджебе» – седло с балдахином, традиционно водружаемое на верблюда невесты во время туркменских свадебных процессий. Поэтому отец построил на могиле (?) дочери башню Ак-Сарай-Динг. По преданию, из-за боязни обрушения в начале XII в. нижний ярус башни был засыпан землей (Восстановление..., 2007, с. 33).

Необходимо особо отметить, что в башнях Приаралья погребений не обнаружено (Байтенов Э., 1986, с. 44). Как отметил о Сараман-Коса еще И. Аничков (2011, с. 121), «...эта башня или мунара не представляет собою могильного памятника». Нередко исследователи предполагают караульные функции, хотя в них отсутствуют следы каких-либо лестниц. По мнению Э.М. Байтенова (2004, с. 70), отмеченные башни имели в основном мемориальную функцию, «они ста-

вились в память о людях, обиженных (Бегим-Ана), умерших не своей смертью (Сараман-Коса) или останки которых не были обнаружены.

Безусловно, данные памятники являются доисламскими. Не случайно загадочная туркменская башня Ак-Сарай-Динг в названии имеет приставку «динг». Ряд доисламских сооружений в Центральном и Восточном Казахстане обозначался словом «дын» и «дынгек», А.Х. Маргулан (1947, с. 63) относил подобные памятники к VIII–X вв. Сооружения Кос-Уй-Тас-1, Уйтас, Карадын в плане имели округлую форму. Краткая информация о них отразилась и в сводном труде по археологическим памятникам (АКК, 1960, с. 142, 143, 149, 151).

В определении функции этих памятников необходимо учесть, что слово «тын / тин / дын / дің» означало душу (Семби М.К., 2002, с. 92), т.е. сердцевину, стержень человека. Скорее всего, такие памятники, как «дын» или «дынгек» (казахский вариант правописания *дың, діңгек*), представляют собой храмы для духов предков.

Примечательно, что, согласно сообщениям китайских хроник, древние тюрки «по окончании похорон» или «после похорон», или же в «день похорон» воздвигали сооружение из камня – «столб», «знак», «мачту» (Войтов В.Е., 1996, с. 112). Весьма близко к «дын» и второе обозначение – «дынгек», что означает столб, стержень. Указанное в китайских хрониках сооружение как «столб», «знак», «мачта», на наш взгляд, соответствует памятникам «дын» и «дынгек».

Первым о башнеобразных сооружениях, расположенных на территории Казахстана, сообщил Гильом Рубрук, проехавший с дипломатической миссией через срединную часть Великого пояса степей в 1253–1255 гг. в столицу Монголии Каракорум. Дипломат, отмечая памятники, сооружаемые степняками, отмечал: «...кое-где я видел большие башни из кирпичей» (Гильом Рубрук, 1957, с. 102).

Сооружение Козы-Корпеш – Баян-Сулу (рис. 5) является ключевым памятником в познании степных доисламских памятников тюркской элиты (Кожа М.Б., 2011, с. 299–304). Одно из первых известий о памятнике оставил И.Г. Андреев (1998, с. 49–50): «При реке Аягуз находится древнее строение, построенное из дикого плиточного камня, наподобие пирамиды; стены внутри убраны, равно как вытесаны, и сведены сводом; одни вхожие двери, и на двух стенах по одному окну. И все строение укреплено по древнему азиатскому обыкновению деревянными связями. Внутри оно поставлены три статуи: одна мужская, а другая женская – рядом, из коих мужская с опущенными вниз руками, а у женской одна рука опущена, а другая приложена к груди, как бы что-то принимала, коим статуям киргизцы, подошед,

по суеверию своему, в руку сию кладут приношения. Третья стоит поодаль у стены, смотрящая в окно; величиною все в совершенной человеческой рост, иссеченные из камня». По А.И. Левшину (1996, с. 107), еще в первой половине XIX в. внутри сооружения Козы-Курпеш–Баян-Сулу находились «три каменных статуи, из коих две, по словам киргиз-кайсаков, изображают прославляемых в сказках любовников Баян-хана и Куз-Курпеч, и третья – их служанку».

Рис. 5. Памятник Козы-Курпеч и Баян-Сулу. IX в.
Из книги Н. Пантусова 1902 г.

Согласно данным Ч.Ч. Валиханова (1984, с. 195–196), «к стене приставлены четыре гранитных истукана». В книге Н.Н. Пантусова (1902, с. 18) на фотографии памятника мы видим каменное изваяние с отбитой головой. О внешнем облике статуи мы можем судить по рисункам Ч.Ч. Валиханова (1972, с. 85) и иллюстрациям, приложенным в книге И.А. Кастанье (2007, табл. XIV.-10, 14, 15, 17). Статуи с сосудом в обеих руках, в островерхих головных уборах относятся к IX–XII вв. (Чариков А.А., 1979, с. 181). Примечателен факт нахождения каменного изваяния внутри памятника типа «дын» Кос-Уй-Тас (Марғұлан Ә.Х., 1966, 22–23 б.).

Поиск аналогов приводит к памятнику в честь Кюль-тегина, к орхонским комплексам (Кляшторный С.Г., 1978, с. 20). Для поминальных сооружений древнетюркской знати характерна тщательно сделанная круглая скульптура, изображавшая погребенного, а также парные изображения мужской и женской фигур. Парные скульптуры были найдены при раскопках памятника в честь Кюль-тегин в Монголии, при поминальных сооружениях знати в Сарыг-Булуне и Кзыл-Мажалыке в Туве. Элементы орхонских комплексов прослеживаются в сооружении Козы-Корпеш–Баян-Сулу и позволяют интерпретировать данный памятник не как мавзолей, где погребен покойник, а как поминальное сооружение типа древнетюркских храмов.

В честь кого было воздвигнуто монументальное здание, стоящее вблизи железнодорожной станции Тансык? Вот что пишет по этому поводу Ч.Ч. Валиханов (1984, с. 197): «Эти истуканы, как говорят, изображают героев из поэмы, которую рассказывают кайсацкие импровизаторы в долгие ночи. По имени героя поэмы называется и могила Козу-Курпеч». Согласно содержанию эпоса Козы-Корпеш являлся сыном хана. Локализовать же ханство отца Козы-Корпеш в пространстве и во времени позволяет интересная деталь в эпосе: на поиски исчезнувшего хана собирают «числом одиннадцать народ», на поминки хана пришел «числом одиннадцать народ», одиннадцать человек во главе с сыном визиря едут сватать Баян-Сулу. Отсюда можно предположить, что ханство отца Козы-Корпеш делится на одиннадцать частей. Примечательно, что среди огузских владык встречаются антропонимы с приставкой Кузы: Кузы-Йавы-хан и Кузы-Тегин (Фазлаллах Рашид ад-дин, 1987, с. 11–12).

В средневековой истории Казахстана лишь Кимекский каганат, существовавший в IX–XI вв., состоял из 11 областей (Кумекон Б.Е., 1996, с. 324). В составе Кимекского каганата было семь племен, главными из которых считались кимеки и кипчаки. По одной из версий

древнего сказания «в Хасакской (Казацкой, Киргизской) степи жили два знатных и богатых султана Карабай (Черный-богатый) и Сарыбай (Желтый-богатый)» (Археология Семиречья, док. №1). Интересно, что имя отца Козы-Корпеша – Сарыбай, что можно перевести и как *бай светло-желтых, «половых»*. В средневековых источниках этнонимом *шары (сары)* обозначали кипчаков или половцев, русское слово «половцы» («половые») означает *светло-желтые* (Плетнева С.А., 1990, с. 35).

В эпосе отца невесты Козы-Корпеша Баян-Сулу именуют Карабай и его называют «туркменом». Термином «туркмен» обозначалась часть карлуков и огузов, обитавших в X–XII вв. в Семиречье и присырдарьинских областях, т.е. ближайшие соседи кимеков. О тесном соседстве кимеко-кипчаков и огузов свидетельствуют средневековые источники. На наш взгляд, в «Козы-Корпеш–Баян-Сулу» нашли отражения контакты кимеко-кипчакских и огузских племен в период IX–XI вв.

Поэтому мы считаем, что сооружение Козы-Корпеш–Баян-улу является поминальным храмом, воздвигнутым в IX–X вв. в честь одного из членов правящей династии Кимекского каганата. Сооружения подобной формы известны в Восточной Монголии (Шер А.Я., 1966, с. 46), что позволяет считать памятники типа «дын» одним из видов древнетюркских поминальных сооружений.

Судя по описаниям в других лучше сохранившихся памятниках этой категории – Козы-Корпеш–Баян-Сулу, Дынгек (рис. 6), Домбаул, имелись оконные проемы, полочки, деревянные конструкции, которые были, скорее всего, предназначены для прилета душ умерших. Схожие конструкции имеются в поминальных башенных сооружениях Приаралья, выстроенных из сырца и облицованных обожженным кирпичом. Согласно одной легенде перед правителем Янгикента – Санджаром постоянно возникал образ незаслуженно обиженной и исчезнувшей супруги Бегим-Ана. Мучимый видением Санджар велел построить на этом месте башню, чтобы заключить образ исчезнувшей супруги, но мираж переместился в другое место. Так продолжалось три раза, и только третья башня избавила правителя от видений (Байтенов Э., 2004, с. 71). То есть душа Бегим-Ана нашла место упокоения в башне. Согласно другой легенде, опубликованной в 1898 г., «жена Санджара, по имени Бегим-Ана ...была брошена своим супругом и повелителем в яму за мнимую измену; но когда невинность ее обнаружилась, она, обратившись в птицу, улетела в башню Бегим-Мунара» (Кастанье И.А., 2007, с. 340). Как известно,

душа у тюркских народов представлялась в виде птицы: «...по турецким народным верованиям, душа обращалась в птицу или насекомое; об умершем говорится, что они улетают (учду)...» (Бартольд В.В., 1967, с. 30).

Рис. 6. Памятник Дынгек. IX в. Из книги Н. Пантусова 1902 г.

Таким образом, башенные сооружения Приаралья представляют элитные постройки для душ умерших представителей огузской знати. Генезис башенных сооружений огузов лежит в древнетюркской эпохе. Прототипами были сооружения из камня типа «дын» и «дынбек», сохранившиеся в Центральном и Восточном Казахстане, в Восточной Монголии. В новых условиях, в период господства огузов на Сырдарье поминальные башни типа «дын» и «дынбек» стали возводиться не из камня, а из сырца и облицовываться обожженным кирпичом.

Примечательно, что Э. Байтеновым были выявлены в Кызылординской области почти аналогичные огузским башням сооружения из сырца и обожженного кирпича у казахов XVIII–XX вв., воздвигнутые для душ умерших. Они также внутри не имеют следов захоронений (Байтенов Э., 1990, с. 337–344). Сооружения типа «дын» этнографического времени и небольших размеров зафиксированы и в Карагандинской области (Ошанов О.Ж., 2004, с. 97–99). В 70-х гг. XX в. в ряде узбекских поселений Южного Казахстана были выявлены небольшие башнеобразные сооружения для духов предков (Тайжанов К., Исмаилов Х., 1980, с. 87–93).

Рис. 7. Башнеобразный памятник в мусульманском кладбище с. Бирлик Казалинского района Кызылординской области.

Фото М. Кожя. 2012 г.

В современных казахских кладбищах Казалинского района Кызылординской области нами встречены небольшие башнеобразные сооружения из обожженного кирпича (рис. 7). Как видим, древнетюркский и огузский обычай возведения башнеобразных сооружений для духов предков сохранялся у некоторых групп казахов и узбеков до середины XX в. включительно.

M. Kozha

THE MEMORIAL TEMPLES OGUZ ELITE

In the lower reaches of the river. Syr Darya in the territory of Kyzylorda region of the Republic of Kazakhstan retained the original architectural monuments: the tower-like structures Begim-Ana, Uzyntam, Saraman-Kosa who in all respects differs from traditional Muslim mausoleums in Central Asia and Kazakhstan. The first two buildings, we refer to the X century. Saraman-Kosa tower to the XI century. Facilities are located around the capital city of medieval Oguz Zhankent and were built in the pre-Islamic period in the history of the region. They belong to the category of monuments known as “din” (дың) or “dingek” (дінгек). “Dyng” (Дың) is translated into an Old Turkic language as “spirit”. Functionally similar monuments discovered on the territory of Central and Eastern Kazakhstan. Kozy-Korpesh, Dombauyl, Dingek and a number of other structures were built of stone. These monuments belong to the VIII–IX centuries and represent a kind of memorial temples for ancestor spirits. They correspond to sources on the construction of the Turks the construction outlined in the Chinese sources as “mast”, “post”. Towers Begimana, Uzyntam, Saraman-Kosa, built of raw and are faced with baked bricks, are representatives of the memorial temples Oguz elite.

Key words: *ancient Turkic, Oguz, Kimaks, memorial temples, towers, pre-Islamic beliefs, legends, statues, monuments, p. Syr Darya, Central Asia, Kazakhstan.*

Библиографический список

Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад, 1969. 294 с.

Агаджанов С.Г. Огузские племена Средней Азии IX–XIII вв. // Страны и народы Востока. М., 1971. Вып. X. С. 179–193.

Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Алматы, 1998. 280 с.

Аничков И. О некоторых местностях Казалинского уезда, интересных в археологическом отношении // Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. Историко-культурные памятники Казахстана. Туркестан, 2011. С. 120–123.

- Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960. 450 с.
- Археология Семиречья. 1875–1912 гг.: сб. док. и мат. / сост. И.М. Самигулин. Алматы, 2011. 664 с.
- Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1989. 293 с.
- Бәйтенов Е.М. Күмбездер // Білім және еңбек. 1984. №7.
- Байтенов Э.М. Загадки башни Узун-там и других памятников Приаралья // Памятники истории и культуры Казахстана. Алма-Ата, 1986. Вып. 2. С. 43–46.
- Байтенов Э.М. Казахские мунара // Архитектурное наследие. М., 1990. Сб. 37. С. 335–336.
- Байтенов Э.М. Мунара Бегим-Ана // Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Кызылординская область. Алматы, 2007. С. 281–282.
- Байтенов Э.М. Мемориальное зодчество Казахстана: эволюция и проблемы формообразования. Алматы, 2004. 243 с.
- Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Соч.: в 9-ти т. М., 1967. Т. 5. С. 17–192.
- Валиханов Ч.Ч. Графическое наследие. Алма-Ата, 1972.
- Валиханов Ч.Ч. О киргиз-кайсацких могилах (молах) и древностях вообще // Собр. соч.: в 5 т. Алма-Ата, 1984. Т. 1. С. 190–197.
- Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М., 1996. 152 с.
- Восстановление башни Ак Сарай Динг рядом с Дашогузом // Охрана исторических ценностей при поддержке США. 2007. С. 33.
- Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. 270 с.
- Джанысбеков Т. Башня Сараман-Коса // Архив института «Казпроект-реставрация» Министерства культуры Казахской ССР. Рукопись. Инв. №79.
- Зиливинская Э.Д., Исследования жилого комплекса в северо-восточной части городища Жанкент // Тәуелсіздік кезеңіндегі Қазақстан археологиясы: қорытындылары мен келешегі. Алматы, 2011. С. 109–117.
- Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Алматы, 2007. 516 с.
- Кляшторный С.Г. Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах // Тюркологический сборник. М., 1978.
- Кожа М.Б. Монументальные древнетюркские сооружения Казахстана // IV международный тюркологический конгресс. Туркестан, 2011. С. 299–304.
- Крюков К.С. Модуль в памятниках среднеазиатского зодчества // Архитектурное наследие. М., 1964. №17. С. 155–165.
- Кумеков Б.Е. Государства раннего средневековья // История Казахстана. Алматы, 1996. Т. 1. С. 296–347.
- Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы, 1996. 656 с.
- Макшеев А.И. Описание низовьев Сырдарьи. СПб., 1856.

Макшеев А.И. Остатки старинного города из Сырдарьи // Санкт-Петербургские ведомости. 1867. №60.

Маргулан А.Х. Архитектурные памятники в долине р. Кенгир // Вестник АН Казахской ССР. 1947. №11. С. 62–71.

Марғұлан Ә.Х. Ұлытау төңірегіндегі тас мүсіндері // Ежелгі мәдениет куәлары. Алматы, 1966. (на каз. яз.).

Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865. 288 с.

Мендикулов М. Памятники народного зодчества Западного Казахстана. Алма-Ата, 1987. 160 с.

Настич В.Н. К эпиграфической истории Баласагуна // Красная речка и Бурана. Фрунзе, 1989. С. 158–77.

Ошанов О.Ж. Реликтовые черты казахской мемориально-поминальной архитектуры // Интеграция археологических и этнографических исследований. Алматы; Омск, 2004. С. 97–99.

Пантусов Н.Н. Памятник Денгек в Лепсинском уезде. Памятник Козы-Курпеч и Баян-Сулу в Лепсинском уезде. Казань, 1902. С. 9–17.

Плетнева С.А. Половцы. М., 1990. 208 с.

Пугаченкова Г.А. Мавзолей Араб-ата // Искусство зодчих Узбекистана. Ташкент, 1963. Вып. 2. 117 с.

Семби М.К. Тюркский меридиан. Алматы, 2002. 128 с.

Тайжанов К., Исмаилов Х. Макчам – дом для духов предков // Советская этнография. 1980. №3. С. 87–93.

Фазлаллах Рашид ад-дин. Огуз-наме. Баку, 1987. 128 с.

Хмельницкий С.Г. Между саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI – начала XIII в. Берлин; Рига, 1996. Ч. 1. 336 с.

Чариков А.А. О локальных особенностях изваяний Прииртышья // СА. 1979. №2. С. 179–190.

Шер А.Я. Каменные изваяния Семиречья. М. Л., 1966. 144 с.

А.М. Илюшин, С.С. Онищенко

Кузбасский государственный технический университет

им. Т.Ф. Горбачева, Кемерово;

Кемеровский государственный университет, Кемерово

КИПЧАКСКИЕ ОБЕРЕГИ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАСКОПОК СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЖИЛИЩ НА ТОРОПОВО-7

На основе новых материалов из раскопок жилищ Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции на комплексе археологических памятников Торопово-7 исследуется гипотеза о наличии оберегов в виде головы или черепа лошади у населения, входившего в этнополитический и этнокультурный ареал Восточный Дешт-и-Кипчак. Основанием для выработки гипотезы послужили палеозоологиче-